

Влияния оказались довольно поверхностны и временны, поскольку встреча с советской реальностью — массовый террор, чистки, а также заключение пакта Молотов-Риббентроп — в конечном итоге к концу 1930 гг. вызвали волну разочарования французских интеллектуалов. Важнейшим позитивным результатом конгресса, в котором наиболее полно проявилось взаимовлияние сторон, стал его вклад в формирование интеллектуальных предпосылок будущей антигитлеровской коалиции.

Д.В. Сучиная Трагедия советской художественной интеллигенции глазами французского интеллектуала В. Сержа

На первый взгляд, тематика, связанная с исследованием франко-русских культурных связей периода становления советского государства, не относится к категории малоисследованной. Проблема взаимодействия французских и русских представителей художественной элиты стала объектом внимания советской историографии уже начиная с 1930 гг., но круг исследуемых проблем охватывал, в первую очередь, влияние октябрьских событий 1917 г. на западных интеллектуалов и на их общественно-политическую позицию¹.

К сожалению, работы советского периода имеют определенную идеологическую заданность, многие факты в них упрощены. В марксистской историографии канонизировался строго ограниченный список имен тех западных и советских представителей художественной интеллигенции, которые встали на апологетические, сервильные позиции по отношению к советским властям, либо их творчество рассматривалось только до того времени, пока они принимали революционные изменения, не критикуя большевиков. Интеллектуалы, находившиеся не на строго ортодоксальных позициях, выступавшие против советской власти, но при этом искренне принимавшие социалистические идеи, оказались сознательно исключены советской историографией из анналов истории.

Российские исследования постсоветского периода можно разделить на две категории. Первые уделяют внимание изучению взаимоотношений западных интеллектуалов и советской власти, пытаются понять причины, подтолкнувшие их поддерживать сталинский режим; вторые посвящены судьбам и творчеству русской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции².

¹ Рыкова Н. Я. Современная французская литература. Л., 1939; Баханонов В. Е. Ромена Т. Л. Ромен Роллан. М., 1965; Зарубежные писатели и Октябрь. Саратов, 1967; Мотылева Л. Г. Роллан. М., 1969; Она же. Друзья Октября и наши проблемы // Иностранная литература. 1988. № 4. С. 159–167.

² Куликова Б. Г. СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1. С. 4–23; Мелвелев Р. Писатели Европы на приеме у Сталина // Свободная мысль. XXI. № 9. С. 99–108; Мельник К. Французские интеллектуалы за рубежом и Французский Союз // Известия. 27 октября 2000. С. 11; Полякова О. Б. Русское зарубежье и французская культура: (вторая половина XIX — первая половина XX века) // Россия и Франция. XVIII — XX века. Вып. 5. М., 2003. С. 171–185; Русская философия в эмиграции: 20-е — 30-е гг. XX в. (документ из архива ФСБ России) / вступ. заметка и публ. В. Г. Макарова // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 124–133.

Несмотря на новый взгляд, список имен в большинстве оказался тем же, что и в советской историографии: Р. Роллан, А. Барбюс, А. Жид и др. Вечный вклад в изучение отношения французских левых интеллектуалов к революции 1917 г. и последующим событиям в СССР внесли работы екатеринбургских историков В.А. Бабинцева, И.В. Жуковой, О.С. Даниловой, Т.В. Краевой. Благодаря их усилиям многие имена французских левых интеллектуалов оказались выведены из забвения¹. При всем разнообразии подходов и исследований комплексные, всеобъемлющие труды по данной проблематике в отечественной историографии отсутствуют.

Зарубежная историография уделяла более пристальное внимание вопросам отношения европейских левых интеллектуалов к революции 1917 г. и к утверждению большевизма в России, но в основном исследования были сосредоточены на жизненных перипетиях и творческой деятельности русской интеллигенции в эмиграции². В трудах зарубежных авторов не нашли должного отражения трагические судьбы советской творческой интеллигенции и отношение к ней западных интеллектуалов, непосредственно участвовавших в событиях, происходивших в России после революции 1917 г. и в первое десятилетие советской власти. В этих

¹ Бабинцев В. Виктор Серж — свидетель эпохи «направленной литературы» // Цензура в России: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 11–16; Он же. Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма // Французский ежегодник 2009. М., 2009. С. 208–220; Жукова И.В. Революция, большевизм и сталинизм глазами франко-русских интеллектуалов: от общности судеб к общности идей (1910–1940 гг.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 9. М., 2009. С. 305–344; Данилова О.С. История культуры России в наследии Пьера Паскаля // Мир истории: новые горизонты. Тез. докл. студенческой науч.-практ. ежегод. конф. Екатеринбург, 2001. С. 85–87; Ее же. Французское «славянофильство» конца XIX — начала XX века // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 7. М., 2006. С. 236–270; Данилова О.С., Шустайка Л.У. Victor Serge у Ретте Паскаль: сопоставление de viaje del bolchevismo // Victor Serge: Humanismo socialista contra totalitarismo: materiales de la conferencia científica internacional, Moscú, 29–30 sept. de 2001 / editor A.V. Gusiev. México, 2009. P. 94–102; Краева Т.В. Мемуары как источник по истории предшественников: образ русской революции в воспоминаниях В. Сержа // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 308–313; Она же. Французские левые в русской революции: 1917–1921 // Французский ежегодник 2009. М., 2009. С. 191–207.

² Langevin L. Les intellectuels français et la Révolution d'Octobre // Cahiers de l'Inst. Maurice Thorez. 1967. № 7/8. P. 155–162; Caute D. Le communisme et les intellectuels français, 1914–1966. Paris, 1967; Morgel J.-P. Le Romain insupportable: L'Internationale littéraire et la France (1920–1932). Paris, 1985; Coesut S. La grande lieue à l'Est. Les Français et l'Union soviétique, 1917–1939. Paris, 1999; Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939 // Пер. с англ. А. Рабильской. М., 1994; Gotboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950. Lauzanne, 1995; Menegaldo H. Les Russes à Paris, 1919–1939. Paris, 1998.

условиях особое научное значение приобретает преодолевающий идеологизированные советские стереотипы обстоятельный анализ взглядов тех французских интеллектуалов, которые и «пришли не ко двору» в Стране Советов, и одновременно не были приняты западной общественностью.

Одним из тех, кто внес весомый вклад в исследование трагической судьбы русской художественной интеллигенции послеволюционно-го поколения, но на долгое время незаслуженно остался вне поля зрелищ отечественных исследователей, является франкоязычный писатель (1898–1947 гг.) Русский по крови и по духу, по культурной традиции, по лем. В. Серж провел в России достаточно продолжительный отрезок времени — с 1919 по 1936 гг. — для того чтобы познать большевизм изнутри. На основе его произведений можно проследить эволюцию интеллектуальной жизни Советской России от первоначального революционного романтизма, вызванного окончанием гражданской войны, до периода утверждения сталинского режима, который привел к тоталитарному конформизму в творчестве и физическому истощению неугодных. В. Серж был не только свидетелем событий, происходивших в тот период, но и их активным участником.

В исторической ситуации конца 1917–начала 1918 г. возникает конфликт в кругах русской интеллигенции, воспитанной в традициях отечественной культуры, с представителями большевистской власти, объявившей себя носителями новых пролетарских духовных ценностей. Несмотря на тяжелые условия, в которых оказалась Советская Россия, культурная жизнь не перестала существовать. В атмосфере революционного энтузиазма повсеместно возникали различные культурные, интеллектуальные союзы и объединения, но все они так или иначе были привлечены к сотрудничеству с Советской властью.

Правительство большевиков прежде всего было заинтересовано в компетентном мнении людей, не связанных с партией, чтобы использовать их в своих интересах. Но в каждом историческом периоде выделяются, как правило, особые группы, способные даже в сложной ситуации выработать трезво оценивать общественную обстановку. Большевистская партия боролась не только с конкретными людьми, которые не принимали ее политику, но и пресекала все внепартийные структуры, способные стать организационными формами для инакомыслящих. Такой организацией для большевиков, по мнению В. Сержа, стала Вольная Философская Ассоциация (Вольфила), созданная в 1919 г. по инициативе группы писателей,

художников и деятелей культуры. Она образовалась из постепенно расширявшегося кружка, собиравшегося вокруг четырех начинающих — учителей Вольфилы. В нее входили: Андрей Белый (председатель), историк литературы Разумник Васильевич Иванов-Разумник, теоретик искусства Константин Эрберт и петроградский философ Арон Штейнберг. Целью Вольфилы было налаживание духовной работы в эпоху революционных потрясений. В ассоциацию вошла значительная часть русской интеллигенции, и Вольфила на непродолжительное время стала своеобразным островком свободомыслия.

В. Серж, не являясь постоянным членом Волфильты, тем не менее, неоднократно участвовал в ее заседаниях, что подтверждает его переписка с председателем ассоциации А. Белым: «По абсолютной невозможности регулярно заниматься и посещать собрания, я не считал возможным записаться в кружки В.Ф.А., — писал В. Серж А. Белому, — несмотря на все желание и интерес. Но я хотел бы получить разрешение посещать случайно, поскольку найду время, ваши кружки. Надеюсь, что В.Ф.А. мне в этом не откажет»¹. Участие В. Сержа в этой ассоциации позволило лучше познать интеллектуальную жизнь, настроения и взгляды лучших представителей русской интеллигенции послереволюционного времени.

Переписка В. Сержа с А. Белым, а также с другими членами Волфильты, свидетельствует о том, что В. Серж не был чужд интеллигентной среде, что он был способен к самообразованию, к изучению литературы, к осмыслению происходящего. В. Серж не был чужд интеллигентной среде, что он был способен к самообразованию, к изучению литературы, к осмыслению происходящего.

заинтересованность европейских левых интеллектуалов в новых про-
изведениях современных русских авторов, которые освещают револю-
ционные преобразования, произошедшие в России. «Один итальянский
журналист сегодня меня просил достать для него — и для его страны,
конечно, — новейшую русскую литературу. Вообще-то следовало бы для
таких случаев иметь возможность быстро доставать книги современных
авторов, появивших и любящих революцию. Не могли ли бы вы посдей-
ствовать мне в данном случае и для будущего кое-что предпринять в этом
смысле?» — интересовался В. Серж².

После окончания гражданской войны и принятия новой экономической политики (НЭП) наступил неолыгий период значительного ширализма в авторитарных рамках однопартийной системы. По мнению В. Сержа, «советская литература пережила чудесный расцвет между 1921 и 1928 гг.»³. В своей статье «Интеллектуальная жизнь в России Советов» В. Серж отмечает, что именно в этот период появляются разнообразные периодические издания, на русский язык переводятся произведения за-

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 53. Оп. 1. Д. 202.

2 ПЛАТИ, там же.

³ Серж В. Указ. соч., с. 322.

ратуре. Журнал «На Посту» был их боевым органом¹. Отмечая позитивные свойства критики, В. Серж в то же время говорит о ее догматизированности: в произведениях, написанных под ее влиянием, присутствуют «иконисмы», «официальный оптимизм» и «бюрократические клише»².

В этой же статье он соглашается с Троцким, но с определенными оговорками, что «пролетарская литература не может существовать при капиталистическом режиме, она может возникнуть только после его низвержения, да и то, как временное, переходное явление до утверждения подлинно социалистической литературы»³. Серж делает вывод, что эта «переходная эпоха» может продлиться долго и породить собственные культурные потребности: «[Пролетариату нужны свои великие интеллектуалы. И не столь великие — для решения более скромных, но при этом жизненно важных задач... Его революционное творчество также имеет свою культурную ценность. В этом узком смысле будет существовать, уже существует культура борющегося пролетариата»⁴.

Однако период расцвета свободного творчества художественной элиты закончился очень быстро. Статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» (март 1922 г.) призывала к борьбе с буржуазной идеологией и требовала начать систематическое наступление против «философской реакции»⁵. Символической датой «похорон» свободной мысли в Советской России вполне можно считать знаменитый «философский па-роход» 1922 г., когда неудобные властям интеллектуалы были высланы за границу.

После смерти В. И. Ленина в 1924 г. большевики стали особо остро реагировать на инакомыслие, исходившее от внепартийного окружения. Советскому режиму требовалось новое индивидуальное сознание. Теперь инакомыслие допускалось только в рамках марксистской идеологии, размышления вне этих рамок становились делом социально подозрительным и опасным для индивидуума — носителя этого инакомыслия.

Чем дальше от 1917 г., тем яснее становилось, что не имеют никаких прав ни свободно мыслящие интеллектуалы, ни неконтролируемые большевиками организации. Сворачивалась издательская деятельность, запрещались небольшевистские газеты, производились аресты руководителей оппозиционных партий, которые затем объявлялись вне закона.

¹ Ibidem. P. 122.

² Ibidem. P. 123.

³ Pugnot J. Henri Rouaille. Notice biographique // *Cahiers Henry Rouaille*. 1993. № 6. P. 23.

⁴ Serge V. Une littérature prolétarienne... P. 124.

⁵ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма. М., 1986.

Постепенно, к 1926 г., в стране уже сложилась обстановка нетерпимости к инакомыслию, стало невозможно выражать свои идеи.

Последним островком свободы для В. Сержа стала Вольфила. «Я входил в последнее свободомыслие объединение, — писал он, — Вольную философскую ассоциацию («Вольфила»); вполне уверен, что был там единственным коммунистом. Вдохновителем являлся другой выдающийся поэт, Андрей Белый. Мы организовывали большие публичные дискуссии... Дискуссия приводила порой к долгим лирическим рассуждениям о проблемах бытия, Космоса и сзнания... Так же, как и Блок, Андрей Белый и Иванов-Разумник чувствовали, что революционный романтизм влечет их скорее к тонимой и вынужденной молчать партии левых эсеров. По этой причине, а также потому, что философские порывы поэтов казались ей подозрительными, ЧК наблюдала за Вольфилой. Каждый день ее талась отстоять принцип свободы мысли, обосновать его «неконтрреволюционностью». По свидетельству В. Сержа, «А. Белый предлагал созвать Р. Роллана, А. Барбюсса, М. Ганди»². Но в условиях нараждавшегося тоталитаризма эта идея выглядела утопией.

Вольфила объединяла представителей различных течений с несколькими мировоззренческими позициями и, по мнению французского интеллектуала, была тем пространством свободы, которое пыталось противостоять нараждавшемуся тоталитаризму. Большевики же не могли примириться даже с относительным свободомыслием в интеллектуальной среде.

Эпоха утверждения большевистской идеологии сплеча делила людей на «своих» и «врагов» и была нетерпима к феномену инакомыслия. Тот, кто не сумел примкнуть ни к одной из ортодоксий, становился диссидентом и расплачивался за свои взгляды. Большевистская партия, стремясь стать беспрекословным лидером, пресекала все внепартийные структуры. Такой организацией стала и Вольная Философская Ассоциация, которая распалась в 1924 г., так как не вошла в число разрешенных властью общественных организаций.

Вслед за периодом революционного энтузиазма и расцвета художественной культуры наступил период отчаяния и упадка. Этому периоду В. Серж посвятил две работы — «Трагедия советских писателей»³ и

¹ Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М.: Оренбург, 2001. С. 183.

² Там же.

³ Serge V. La tragédie des écrivains soviétiques // *Les Égauts, supplément aux Masses*. 1947. № 6. P. 1–13.

«Уничтожение советских писателей»¹, с помощью которых он пытался привлечь внимание западных интеллектуалов к этой проблеме. «Послевоенная литература нашего времени не является мирной, т. е. в ней нет места примирению жертв, стремлению к восстановлению мира, возрождению нашей веры в человека, она отражает, главным образом, страх. Она показывает тем самым, каковы ограниченные возможности творческой свободы, оставленной обществом интеллектуалу, когда он, убожанный иллюзиями, провозглашает, как некоторые французские авторы, "головокружительную свободу"», — отмечает он.²

По мере своего становления сталинский тоталитаризм отторгал наиболее просвещенных, думающих интеллектуалов. Таким образом, происходила негативная селекция, когда искренние сторонники советской власти (наиболее просвещенная часть интеллигенции) сменялись полунинтеллигентными-фанатиками, а затем и циничными прагматиками-карьеристами. В. Серж точно подметил, почему самые искренние революционные элементы, выбирав между революцией и партией, в большинстве случаев отдавали предпочтение партии: «Британский патриотизм очень хорошо выражен в сильном лозунге: *«Неважно, права она или нет, это моя страна!»*. Большевикский образ мыслей предполагает, и это качество бесценно в классовой войне, одинаковый патриотизм по отношению к классу и партии: лучше быть неправым вместе с партией пролетариата, чем быть правым, но против нее. Нет более глубокой революционной истины»³.

Для В. Сержа, свободомыслящего интеллектуала, советская литература, начиная с 1928 г., приходит в упадок и угасает. По его свидетельству, М. Горький в этот период повторял следующую фразу: «Раньше русский писатель боялся только полицейского и церковника, ныне партийный начальник один в двух лицах: все норовит запустить трупную лапу прямо в душу...»⁴. Французский интеллектуал считал, что наиболее точное определение вырождения советской литературы принадлежит американцу Маку Истмену, который выразил его формулой «писатели в мундире». Полностью разделяя мнение М. Истмена, В. Серж добавляет: «...чтобы облегчить в мундир русских писателей, потребовались годы, и свобода творчества исчезла одновременно со свободой мнений, с которой тесно связана»⁵. Советское государство, которое В. Серж определял как

тоталитарное, навязывало «писателям жесткие идеологические схемы и абсолютный конформизм», убивая в них способность творить¹. Писать ЦК, который «ежегодно назначал определенный сюжет для пьесы, — уборку урожая или перевоспитание контрреволюционеров в лагерях»². Гибель свободы творчества В. Серж датирует 1928–1929 гг. и связывает ее с попыткой ленинградских писателей выступить против цензуры, кампаний шельмования, угроз в печати и административного произвола. Эта попытка, которая изначально была обречена на провал, вызвала у В. Сержа параллель с «Философским пароходом» и запретом Большей Философской Ассоциации. «...Литература с мощными духовными корнями была трагически ухудшена тоталитарным режимом — и эта трагедия по-разному сказывалась на высококвалифицированных людях, поэтах и прозаиках», — резюмирует В. Серж³.

Ему было сложно понять «безграничную полноту» западных интеллектуалов, которые обходили молчанием гибель таких представителей советской художественной элиты, как Б. Пильняк, И. Бабель, Вс. Мейерхольд, Д. Рязанов, известных на двух континентах, произведения которых устраивали прежде банкеты в их честь, не заинтересовывая их участием. Ни один литературный журнал не сообщил, насколько мне известно, об их загадочном конце. Книжки о советской литературе, опубликованные за границей, они либо обходили молчанием, либо упоминали уклончиво и вскользь. Всеобщий заговор молчания окружал их [советских писателей — были редким исключением, «обычно это бывшие сочувствующие (потутчики) или рабочие, прожившие несколько лет в СССР... Свидетельства Виктора Сержа, Антона Чилиги, Паната Истрати практически не были услышаны. Пришлось дожидаться свидетельств А. Жидо (1936 г.) и Д.-Ф. Селина (1937 г.), чтобы начать дебаты...»⁴.

В. Серж оказался одним из первых европейских интеллектуалов, кто увидел чудовищные изменения в СССР, превращение его в тоталитарное государство и попытался сообщить об этом западной публике. Он точно отразил драматичность жизни многих из советских интеллектуалов

¹ Serge V. Le massacre des écrivains soviétiques // Spartacus. 1972. Série B. № 5. P. 11–18.

² Serge V. La tragédie... // Les Egaux, supplément aux Masses... P. 1.

³ Serge V. L'an I de la révolution russe. Paris, 1930. P. 105.

⁴ Серж В. Указ. соч. С. 322.

⁵ Там же.

¹ Там же. С. 321.

² Там же. С. 329.

³ Серж В. Указ соч. С. 321.

⁴ Serge V. La tragédie... // Les Egaux, supplément aux Masses... P. 8.

⁵ Menegaldo H. Les Russes à Paris, 1919–1939. Paris, 1998. P. 74.

периода становления сталинского тоталитаризма: «Могилы. Идея революции умерла. Серп и молот стали эмблемами убийства и деспотизма. Победы гражданской войны умерли, героизм революции покрыт ложью. Интеллектуальные труды уничтожены, неузнанные миром. Мужчины, женщины и дети, которые делали историю, мертвы. Пресса закрыта для нас. Издатели держат наши книги под замком»¹.

Но труды В. Сержа, долгое время бывшие под запретом в Советском Союзе, вернулись к русскоязычному читателю, не утратив своей актуальности. Его наследие является уникальным первоисточником по истории трагически погибшей русской культуры 1920-х гг.

Émilia Robin Nivert

Les contacts scientifiques franco-soviétiques, entre science et propagande : l'exemple des mathématiques dans les années 1940–1950

Dans cette communication, j'essaie de comprendre dans quelle mesure la recherche a été influencée, au début de la guerre froide, par le contexte politique international et les objectifs de propagande. J'ai choisi le domaine des mathématiques, pour plusieurs raisons. Tout d'abord, c'est un domaine d'excellence, autant en France qu'en Russie. De plus, les deux pays ont entretenu des relations étroites dans ce domaine, depuis le XVIIIe siècle¹. Enfin, la nature même de la recherche mathématique la rend relativement imperméable aux consignes idéologiques, contrairement aux sciences humaines ou à la biologie. Je vais donc m'intéresser aux contacts entre mathématiciens français et soviétiques au lendemain de la Seconde Guerre mondiale.

En 1945, le monde scientifique a l'espoir de renouer les liens, brisés autant par la fermeture de l'URSS dans la deuxième moitié des années 1930 que par la Seconde Guerre mondiale. Dès juin 1945, une occasion se présente : les 220 ans de l'Académie des Sciences de Russie, où la France est représentée par une délégation de 23 scientifiques de premier plan². Parmi les cinq mathématiciens de la délégation, quatre se sont déjà rendus plusieurs fois en URSS dans l'entre-deux-guerres : Jacques Hadamard, Maurice Fréchet, Élie Cartan et Jacques Chapelon (et il est très probable qu'Émile Borel s'y soit rendu lui aussi³).

Il y a probablement chez ces hommes de la curiosité et de l'attente : que sont devenus leurs collègues, qui sont les étoiles montantes, dans quelles directions s'oriente la recherche. Mais qu'ont-ils pensé réellement de leur visite ? Leurs compte-rendus officiels sont convenus. Maurice Caullery, dans

¹ Demidov, Sergueï S., « Les relations mathématiques franco-russes entre les deux guerres mondiales », *Revue d'histoire des sciences*, janvier-juin 2009, vol. 62, no. 1, p. 119–142. Voir, en annexe de son article, un rapport de Kolmogorov sur son voyage en France (1960) et un inventaire des sources disponibles en Russie pour une histoire des contacts mathématiques franco-russes.

² Eugène Aubel, René Audubert, Pierre Auger, Camille Bloch, Émile Borel, Élie Cartan, Maurice Caullery, Jacques Chapelon, Auguste Chevallier, Albert Demolion, Maurice Fréchet, Pierre Grassé, Jacques Hadamard, Frédéric Joliot-Curie, Irène Joliot-Curie, Henri Laugier, Maurice Lemoigne, André Mazon, Charles Maurain, Jacques Nicolle, Joseph Pères, Francis Perrin et Jacques Tréfoüel (*France-URSS*, juillet 1945, no. 10, p. 2, et août 1945, no. 11, p. 3–4).

³ Guiraldeng, Pierre, *Émile Borel 1871–1956 : l'espace et le temps d'une vie sur deux siècles*, Paris : Pierre Guiraldeng, 1999, 263 p.